

УДК 811.161.1

КОНЦЕПЦИЯ СТРАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Я. БРЮСОВА 1918 ГОДА (на материале публикаций в альманахе «Эпоха»)

СЛИНЬКО Марина Анатольевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются изданные в книге первой альманаха «Эпоха» (1918) цикл В.Я. Брюсова «Ариадна» и публицистические заметки «Miscellania». Данные публикации позволяют отследить локальные факты литературного процесса того времени, что немаловажно для уточнения фактов деятельности Брюсова в поворотный для истории России год. Рассмотрены лейтмотивы цикла «Ариадна» и заметок «Miscellania», связанные с концепцией страсти в творчестве Брюсова. Определен историко-культурный смысл публикаций в альманахе, позволяющий понять специфику мировоззрения мэтра символизма в революционную эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Альманах «Эпоха», символизм, В.Я. Брюсов, цикл, античная культура, концепция страсти.

THE CONCEPT OF PASSION IN THE WORKS OF VALERY BRYUSOV 1918 (BASED ON PUBLICATIONS IN THE ALMANAC "EPOCH")

SLINKO M.A.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT: The article discusses Valery Bryusov's cycle "Ariadna" and journalistic notes "Miscellania" in the book of the first almanac "Epoch" (1918). These publications make it possible to track the local facts of the literary process of the time, which is important for clarifying the facts of Bryusov's activity in the turning year of Russian history. The keynotes of the "Ariadna" cycle and the "Miscellania" notes related to the concept of passion in the work of Bryusov are considered. The historical and cultural meaning of publications in the almanac is defined, which allows to understand the specifics of the worldview of the master of symbolism in the revolutionary era.

KEY WORDS: Almanac "Epoch", symbolism, V.Y. Bryusov, cycle, ancient culture, passion concept.

Проблема сохранения культуры остро стояла в поворотном для истории России 1918 году перед общественностью. В.Я. Брюсов не случайно предложил для публикации в книге первой альманаха «Эпоха» (1918) (подробнее об альманахе см.: [1, с. 154]) два материала. Цикл «Ариадна», состоящий из стихотворений «Жалобы Феся» и «Венец Ариадны», датированный 1917-1918 гг. [2, с. 17-20], появился в разделе «Стихи». В корпус цикла вошло и Примечание [2, с. 21-22], которое свидетельствовало о том, что поэт выступал как историк, литературовед, исследователь собственного творчества, что характерно было для мэтра символизма. В раздел «Проза» вошли заметки на разные темы «Miscellania» [2, с. 211-233]. Публикации под таким названием появлялись в разных русских, а затем советских журналах при жизни писателя и посмертно с 1914 по 1949 гг., их композиционная структура различалась, очевидно, отвечая запросам автора и издателей в каждый период [3, с. 628]. Они свидетельствовали о широкой сфере интересов Брюсова: литература, историософия, культура, политика, экономика, социология, точные науки и т.д.

История античности/эгейской культуры привлекала Брюсова с юности по многим причинам, в том

числе, аналогиями с современностью, личным контекстом. С 1917 года в журнале Горького «Летопись» печатался его труд на эту тему «Учители учителей», в «Miscellania» (1918) размышлениям об этом периоде посвящены две заметки, так что взаимосвязь литературных и научных интересов очевидна в данном случае.

В античном мире, по мнению Брюсова, «как в огромном котле, сваривается в одно целое искания и открытия многих тысячелетий», «наука, все искусство, все философия новой Европы вырастает на античной почве» [4, с. 435-436]. Часто основой символистской поэтики становилась циклическая концепция мира: каждое единичное явление сигнализировало о бесчисленном множестве других. Мифическое прошлое являлось причиной ныне существующих характеров, вещей, положений, т.е. мифические образы можно рассматривать как мифологемы и архетипы. В статье «Современные соображения» времен первой революции Брюсов писал: «Конечно, события дня – современность, но и вопросы любви, Смерти, Цели жизни, Добра и Зла тоже современность для наших дней, как для времен Орфея. Каждая эпоха дает на эти вопросы ответ с точки зрения своей науки и философии, и перед каждым мыслящим человеком эти вопросы встают вечно жизненными, вечно новыми. Неужели во дни революций надо пренебречь как несвоевременной

© Слинко М.А., 2019

Информация для связи с авторами: lokos1k@yandex.ru

загадкой добра и зла? Может ли выйти из моды любовь или устареть смерть?» [3, с. 111].

Брюсов в цикле «Ариадна», опубликованном в альманахе «Эпоха», продолжал исследовать античный миф об Ариадне и Тезее, интерес к которому характерен для поэта с раннего периода творчества [5, с. 592]. В Примечаниях поэт-ученый подчеркивал *специфику* личной позиции: «Несколько странно искать в мифе психологической мотивировки событий; они развиваются по иным законам, в зависимости от элементов, из которых сложился миф: исторических воспоминаний, олицетворения явлений природы, символизации идей и т.п. Однако, в эллинском пересказе, предания о богах и героях прошли через творчество народа-художника, придавшего каждому образу – художественную правду, в том числе, психологическую» [2, с. 21]. Создатель цикла выступил как популяризатор не только греческой мифологии, подробно пересказывая суть истории об Ариадне, но и своего творчества, напоминая, что в сборнике «Венок» он уже представлял обработку этого мифа. В Примечаниях к циклу, опубликованному в альманахе «Эпоха» не просто пересказывается миф, а выдвигается *гипотеза* о причинах трагического развития жизни Фесея (заметим, что поэт заботится о *точности* перевода, общепринятое «Тезей» заменяется другим вариантом произношения имени, об этом аспекте будет сказано ниже): «Фесей *забывает* переменить паруса». [2, с. 22]. Графическое выделение подчеркивает, что интересует в данной ситуации поэта-ученого. Брюсов считает, что в художественном рассказе не может быть случайности. Интерпретатор мифа подчеркивает аспект психологический: по его мнению, герой *раскаивается* в том, что подло предал Ариадну. Создателя цикла интересуют внутренние причины содеянного: «...Фесей возвращается в Афины в состоянии полного угнетения; он – подавлен, он – в отчаянии от своего поступка. Может быть, Фесей дал Ариадне обещания, которых не мог исполнить, напр., сделать ее царицей Афин». Сделан определенный вывод: «Страсть оказывается сильнее, чем доводы рассудка» [2, с. 22].

Миф становится основой развития сюжета, благодаря которой реализуется концепция цикла, развертывание символического ряда становится универсальным средством для философских, психологических и художественных обобщений. Эти аспекты характерны в целом для творчества Брюсова, которое можно анализировать с разных позиций, т.к. в символистских произведениях совмещено несколько смысловых уровней: эстетический, этический, психологический, биографический, исторический и пр. Исследование в таком ракурсе открывает перспективу для рассмотрения в историко-культурном и литературном контекстах публикаций в альманахе «Эпоха». Мифологический сюжет развивается по определенной схеме: выстраивается авантюрный ряд, где жизнь человека объясняется игрой «слепой судьбы» (случая) и божественного промысла (необходимости). В центре повествования оказывается герой, взятый в исключительный момент жизни, им определяется дальнейшая судьба. Человек, приобретая определенный опыт, проходит через страдания, являющиеся неизбежным условием его существования, такая схема характерна для античности – объективная картина создается через субъективную перспективу и наполнена трагическим смыслом.

Любовная страсть в данном случае центр сюжета; честолюбие, вера, патриотизм для героев цикла оказываются на втором плане. Представить мир как порождение страсти – задача автора. Страсти двигали людьми, которые сделали Афины великим городом. И первоначально Фесеем двигал патриотизм, о чем размышлял Брюсов в Примечаниях, пересказывая миф: афиняне платили критскому царю Миносу позорную дань, гибли лучшие юноши и девы города. Царевич Фесей, сын афинского царя Эгея, добровольно оказался среди обреченных на убийство, потому что хотел убить Минотавра, отомстить за родные Афины и более того – избавить мир от чудовища [2, с. 22]. Все герои этого мифа принесли жертвы на Алтарь страсти. Ведь Минотавр – порождение преступной любви жены Миноса Пасифаи с быком. Ариадна, дочь Миноса и Пасифаи, спасая Фесея, становится заложницей страсти к афинскому герою, отец его Эгей без сына тоже не мыслит жизни, предполагая, что Фесей погиб, брошен в море, которое с тех пор стало называться Эгейским [2, с. 21-22]. Страсть – начало двуединое, она несет как положительный (Ариадна спасла Фесея от неминуемой гибели), так и отрицательный импульс. Некие причины побудили Фесея отказаться от Ариадны, но, по версии Брюсова, забыть о ней герой не в состоянии. Свою власть Фесей (теперь он – царь Афин) готов променять на «поцелуй или нежный взгляд» Ариадны. Герой видит вещий сон (второе стихотворение цикла) о страсти Диониса к Ариадне, Фесей всю оставшуюся жизнь несчастен – таково «горькое возмездье» за предательство (если брать любовь за точку отчета) или патриотизм (герой служит родному городу и его покровительнице – богине Афине).

С апологией страсти как высшего напряжения любви Брюсов выступил еще в 1904 году, когда была опубликована в «Весках» статья «Страсть». Тогда же появился сборник «Stephanos» («Венок»), который упоминает поэт в Примечаниях, опубликованных в «Эпохе». В «Венке» один из циклов («Правда вечная кумиров») содержал послание «Тезей Ариадне», в рукописи первоначально стихотворение называлось «Ариадна», к нему тоже было Примечание – очень краткий пересказ основных событий мифа [6, с. 625]. Тогда поэт избрал иной ракурс интерпретации мифа: Тезей еще не знал, что ожидало его в будущем. Описаны муки выбора героя между долгом перед Афиной и страстью к Ариадне: «Довольно страсть путями правила, Я в дар богам несу ее. Нам, как маяк, давно поставила Афина строгая – копьей!» Здесь поступок сам Тезей воспринимает как мучительный «высший долг» перед богиней – «быть палачом» [6, с. 390]. В более позднем цикле «Ариадна» события даны в ретроспективе: герой спустя годы осмысляет *последствия* расставания с любимой и оценивает происходящее иначе. Он поглощен воспоминаниями об Ариадне и ее дальнейшей судьбе. Апофеоз любовного напряжения подчеркивает манера повествования. Синтезируются разные повествовательные формы: исповедь в первом стихотворении («Жалобы Фесея»), включающая воспоминания, сон – во втором («Венец Ариадны»). Брюсов выступает живописцем сладострастия, изображая мечты героя о возлюбленной. Манерность изложению придают риторика, метафоры, аллюзии – все подчинено описанию чувств героя. Это и восклицания Фесея («Где ты? С кем ты?»), детали описания дворца («решь ты Возле ложа, еле зримый призрак...»), моря («И – возлюбленная! Тело Мне предавшая вполне в час,

когда ладья летела По зыбям, с волны к волне!»), колористике, где переплетены свет и тьма («Тьме бездненной лабиринта», «светловолосой тенью», «заревую полутьму»). Ретроспективное повествование («За тебя Судьба отмстила: в море сгинул мой отец! Я с подругой нелюбимой Дни влачу...») позволяет объяснить социально-психологические истоки поведения героя. Почему среди всех страстей преобладает любовная, А.Н. Веселовский объяснял особенностями определенных эпох: «Такого рода переход к поэзии чувства не совершается силами отдельных поэтов: он наступает, когда состарившийся народ, ощутив потребность покоя, утратил культ подвига. Когда такое настроение переносится из жизни в искусство, особое первенство оно дает любви перед всеми другими сюжетами» [7, с. 14].

Таким образом, Афины представлены как некий центр, который сохраняется благодаря движению жизни и смерти: Фесей спасает Афины от Минотавра, власти Миноса, но невольно губит отца, думая об Ариадне, забывает (в авторской концепции) сменить паруса, без возлюбленной несчастен в дальнейшей жизни. Главной движущей силой в жизни человека являются страсти – патриотизм, честолюбие, любовь, несущие добро и зло, созидательное и разрушительное начала (спасение Афин героем трансформируется, например, в равнодушие к этому факту под влиянием чувств).

Рассмотрение стихотворений на композиционном уровне показывает тенденцию к циклизации, причем «Ариадна» – своеобразное продолжение стихов «Тезей и Ариадна» в сборнике «Венок». Специфична категория времени дилогии, что тоже отражено в композиции текста. Примечание напоминает, что, кроме времени героя, есть время автора, связывающее изображение с проблемами современности.

Приведем воспоминания Эренбурга во второй книге «Годы, люди, жизнь» о встречах с Брюсовым. Эренбург отмечал, что для него стала неожиданной тема беседы в 1917 году, т.к. она была не ко времени. Рушилась старая жизнь, а Брюсова волновали угрызения совести Тезея, проблемы перевода (Брюсов настаивал на транскрипции «Фесей»). Но, размышляя, противопоставлял ли себя поэт окружающей действительности как эстет, декадент, Эренбург пришел к другому выводу: в его воспоминаниях Брюсов предстал человеком, который «верил в живучесть поэзии и уважал собственную работу» [8, с. 554]. По мнению мемуариста, «молодой Советской России этот неистовый конструктор, неутомимый селектор был куда нужнее, чем многие сладкопевцы». Еще на один контекст – личный – обращает внимание Эренбург: «При первой нашей встрече Брюсов заговорил о Наде Львовой – рана оказалась незажившей. Может быть, я при этом вспомнил предсмертное стихотворение Нади о седом виске Брюсова, но только Валерий Яковлевич показался мне глубоким стариком, и в книжку я записал: «Седой, очень старый» (ему тогда было сорок четыре года). Записал я также: «Жизнь у него на втором плане», – может быть, думал при этом о Наде, может быть, о революции; но уже наверно помнил его слова о том, что «все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов» [8, с. 556-557]. Речь идет о трагической связи Брюсова с поэтессой Львовой, которая покончила жизнь самоубийством [9, с. 5-11]. Именные мифологемы, появляющиеся часто у Брюсова на всех этапах творчества уходили корнями в жизнь художника слова, отражают его личные взаимоотношения с женщинами. Не исключение дилогия «Ариадна». Биографические аллюзии имеют большое значение для понимания твор-

чества мэтра символизма, этот факт отмечали многие исследователи [10, с. 215].

Публикации в альманахе «Эпоха» показывают, какие проблемы волновали Брюсова в тот период. Прежде всего, творчество, которое составляло главную *страсть* художника слова. Об этом свидетельствует и его публицистика в том же издании – «Miscellanea». Большая часть заметок – о поэзии, литературе, их взаимосвязи с историей, политикой, языком. Для Брюсова на высшей ступени развития стоят люди, которые живут не только для своего времени, но для будущего, выбирают те истины, которые будут важны, оригинальны и нужны для иных времен. Поэзия для него – «источник всеяческой «пользы» для людей». Усовершенствовать человека, принести ему пользу могут наука, просвещение, «высокая культура духа». Искусство, в понимании Брюсова, способствует «этой культуре духа» и делает возможным появление «великих проповедников, великих ученых, славных деятелей на всех поприщах» [2, с. 217]. Позволим себе полностью процитировать размышление, идея которого для нашей современности не менее **актуальна**, чем для предшествующих столетий и тысячелетий:

«Служить народу» – прекрасная задача! Но, чтобы сделать что-нибудь для «народа», надо стоять выше него. А, чтобы были люди, стоящие выше обычного уровня, должна быть соответствующая среда. Лишь в той стране могут найтись люди, которые будут «служить народу» в лучшем смысле слова, просвещать его, вести его вперед, – в которой высоко стоит просвещение, философия, наука, искусства. Высоко призвание народных учителей: их дело – благородное, почти «святое» дело. Но, чтобы явились эти учителя, нужна школа, в которой они учились бы сами. А, чтобы были учителя этой школы, нужны университеты. Которые их воспитали бы. Но будет ли университет истинным, если члены его не будут двигать науку и просвещение вперед, будут лишь заимствовать уже существующее у соседей? Подлинный «профессор» – не пересказчик чужого знания, но человек, сам пролагающий новые пути в своей области. Как знать, в конце концов, кто более «служит народу»: математик, разрабатывающий новые формулы «круговых функций», или народный учитель, преподающий грамоту сельским детям?» [2, с. 218].

Таким образом, публикации Брюсова в альманахе «Эпоха» можно рассматривать как смысловое и художественное единство. Для него *символ* – это «образ или тип, имеющий бесконечное число значений» [2, с.216], символистские принципы позволяют трактовать тексты в широком смысле как некий синтез культур предшествующих, настоящих и будущих, на основе этого непрерывного диалога возникает рождение нового во всех сферах жизни. Осмысление мировой истории и русской действительности, личной жизни через опыт предшествующих цивилизаций составляет важную тенденцию в творчестве Брюсова, выразившуюся в поэзии и публицистике, в том числе, альманаха «Эпоха». Установки художника позволяют рассмотреть его творчество и жизнь как единый развивающийся текст-миф [11, с. 165-166]. В этом контексте важны опоры на авторские источники, исследование семантики обрастающих дополнительными параллелями мифологических сюжетов в узком (архаичный миф) и широком смыслах (всякое повествование), включенных в единое целое, «тайный смысл» которых можно прочесть, учитывая совокупность фактов, связанных с жизнью и творчеством В.Я. Брюсова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Слинко, М.А. Лирический триптих И.А. Бунина в альманахе «Эпоха» [Текст] / М.А. Слинко // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – № 4 (281) – 2018. – С. 154-157.
2. Эпоха. Книга первая. – М.: Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ, 1918. – 252 с.
3. Брюсов, В.Я. Собр. соч.: в 7 тт. [Текст] / В.Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 6. – 656 с.
4. Брюсов, В.Я. Собр. соч.: в 7 тт. [Текст] / В.Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 7. – 527 с.
6. Брюсов, В.Я. Собр. соч.: в 7 тт. [Текст] / В.Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 1. – 672 с.
7. Веселовский, А.Н. Избранные статьи [Текст] / А.Н. Веселовский. – Л.: Художественная литература, 1939. – 572 с.
8. Эренбург, И.Я. Собр. соч.: в 9 тт. [Текст] / И. Эренбург. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 8. – 616 с.
9. Лавров, А.В. Вокруг гибели Надежды Львовой [Текст] / А.В. Лавров // De visu. – 1993. – № 2. – С. 5-11.
10. Минц, З.Г. Граф Генрих фон Оттергейм и «Московский ренессанс». Символист Андей Белый в «Огненном Ангеле» В. Брюсова [Текст] / З.Г. Минц // Андрей Белый: Проблемы творчества. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 215-240.
11. Слинко, М.А. «Античные» романы В.Я. Брюсова: историко-культурный смысл, художественная структура, традиции: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Текст] / М.А. Слинко. – Воронеж, 1997. – 209 с.